

В ЯЛТИНСКОМ ДОМЕ

Осенью 1939 года я впервые приехал в Ялту со своими литературными концертами.

О чеховском Доме-музее я много слышал и не мешкая направился туда. С волнением подходил я к белому двухэтажному дому.

В то время экскурсий было меньше и музеев производил впечатление скромного жилого дома.

Мария Павловна, сестра А. П. Чехова, радушно встретила меня.

Худенькая, стройная, Мария Павловна, несмотря на преклонный возраст, была очень подвижной и легкой. Она пригласила меня наверх в свою «светлицу». Деревянная лестница вела в уютную комнату — кабинет с небольшим балконом, откуда открывался вид на лежащую внизу Ялту и море.

Мария Павловна была настолько проста и расположена, что очень скоро мне показалось, будто мы с ней давно и хорошо знакомы, и я почувствовал себя совсем свободно. С большим интересом расспрашивала она о моей работе. Я попросил ее послушать «Даму с собачкой» (я тогда не рассказывал с этим рассказом. При малейшей возможности мне хотелось читать его. Я все время что-то пробовал, исправлял, дорабатывал).

Слушала Мария Павловна очень живо и, когда я кончил, сказала что-то вроде: «Я даже как-то не предполагала, что это такой глубокий рассказ!.. Знаете что? У меня есть заветная бутылка шампанского. Давайте отметим нашу встречу и сегодняшнее чтение и выпьем по бокалу...»

Каждый раз приезжая после войны в Ялту на гастроли, я прежде всего стремился попасть в чеховский дом. Знакомство мое с Марией Павловной постепенно перешло в очень дорогую для меня дружбу!

Несмотря на все возрастающий объем работы в музее, частые встречи с людьми, помогавшими полному его восстановлению, огромную деловую переписку и все увеличивающееся количество экскурсий в чеховский дом, Мария Павловна всегда находила время для друзей. Чеховская приветливость, чеховское гостеприимство в полной мере были в ее характере.

Мне было разрешено бродить по саду и дому. Это были чудесные часы... Я бывал в спальне Антона Павловича, убранной с необычайной простотой. Подолгой стоял в его кабинете перед письменным столом, за которым написаны «Душечка», «По делам службы», «Дама с собачкой», «В овраге», «Невеста», один из самых любимых мною рассказов «Архиперей», перед книжным шкафом. Книг было совсем не много: Толстой, Шекспир, Пушкин... Разглядывал пейзаж Левитана, вделанный в каминную доску. Перебирал груды визитных карточек, рассматривал фотографии. Запомнилась фотография Веры Федоровны Комиссаржевской с фразой Нины из 4-го акта «Чайки»: «Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства — чувства, похожие на нежные, изысканные цветы...»

Мы часами разговаривали втроем, или, оставаясь с Марией Павловной, зажав дыхание, я слушал «ее рассказы-воспоминания об Антоне Павловиче — его жизни, отношении к матери, о всей чеховской семье...»

Работа над произведениями Чехова, соприкосновение с миром великого писателя, строгого, чистого, взыскательного и совершенного художника, повышает требовательность к себе.

Чехов — писатель для всех возрастов, но для понимания глубины его произведений необходима душевная зрелость. По свойственному мне влечению к лирике я, начиная работать над произведениями Чехова, выбрал рассказ «Шуточка». Рассказ этот в то время уже был в репертуаре А. Я. Закушняка и Э. И. Камянки. Насколько я помню, оба они исполняли его именно как «шуточку», в комедийной тональности. Я же в этом рассказе услышал много Чехова, того, о котором так точно сказал Алексей Максимович Горький: «Его рассказы пропитаны удивительным знанием жизни, мудрой беспристрастностью и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает».

Меня привлек грустный, лирический конец «Шуточки» о несостоявшейся жизни Наденьки, сохранившей на всю жизнь воспоминание о словах любви, прозвучавших в ее юности.

Ту же щемящую тоску почувствовал я и в рассказе «Муж».

Оба эти рассказа я исполнял грубовато, что часто происходит в начальной стадии работы. Мне хотелось прежде всего выявить и точно прочертить сюжетную линию, события, характеры. И только с годами я все полнее постигал серьезность и глубину их смысла.

Теперь, после многих лет упорной работы, я понимаю непозволительность такого обращения с текстом Чехова и настоятельно советую всем молодым чтецам остерегаться этого. Сам Чехов необычайно требовательно относился к своим рассказам, тщательно работал над каждым из них, поэтому в них нет ничего лишнего, все точно, сжато, все на месте. Толстой назвал Чехова «Пушкиным в прозе», а Горький писал, что передавать содержание рассказов Чехова еще и потому нельзя, что все они, как дорогие и тонкие кружева, требуют осторожного обращения с собой и не выносят прикосновения грубых рук, которые могут только смять их...

Тем, кто берется читать с астралды Чехова, надо всегда помнить, что мы, чтецы, прикасаясь к его творчеству, должны прежде всего бережно относиться к авторскому тексту, не допуская всякого рода вольностей.

Не всегда тема произведения сразу «дается в руки». Чаще всего самое главное выявляется или уточняется только в процессе работы. Так было и со мной.

Еще более поверхностным было поначалу мое отношение к герою — Шаликову. Опять-таки в поисках наиболее эффектных мест в характеристике Шаликова, данной Чеховым: «Когда-то он был в университете, читал Писарева и Добролюбова, пел песни, а теперь он говорил про себя, что он коллежский ассessor и больше ничего», — я на первых порах обратил внимание лишь на конец этой фразы («а теперь он говорил про себя, что он коллежский ассessor и больше ничего»), пропустив глубокий смысл лаконичной фразы Чехова о крушении человеческой жизни, гибели молодых надежд, идеалов, высоких стремлений, то есть всего того, о чем позднее так резко, беспощадно точно сказано Чеховым в его удивительном рассказе «Ионыч». Вся печальная история шаликовской жизни мною просто проговаривалась и как бы пропускалась. Таким образом, я сам нарушал основной смысл и строй чеховской повелости.

Необходимо вчитываться и вникать в авторский текст, много раз проверять и уточнять его смысл и то, ради чего он написан, не доверяя своим первым, зачастую поверхностным впечатлениям...

Мое увлечение Чеховым все возрастало. В рассказе «Тоска» меня также привлекла тема сострадания к горю «маленького человека». Я включил рассказ «Тоска» и отрывок из повести «Степь» в свой репертуар.

Удивительно притягательной силой наполнило все творчество Чехова! Ему ведомы самые прямые дороги к сердцу читателя. Это я чувствовал каждый раз, исполняя его произведения. И хотя рассказы, читаемые мной, скорее грустные, чем смешные, не было случая, чтобы слушатели отнеслись к ним холодно, равнодушно, они всегда доходят до сердца.

Вспоминаю, как однажды на гастролях я попал в очень глухое место на Урале. В программе концерта была и «Шуточка». Сюжет рассказа прост: встреча на катке и шутливое признание в любви молодого человека милой девушке Наденьке. Утром на улице ко мне подошла пожилая колхозница и очень просто и сердечно сказала: «Спасибо тебе за твою Наденьку. Так вот и вижу ее... И зачем же это он так сделал? Зачем посмеялся над ней?..»

А сколько видел я искреннего сочувствия и к неразделенному горю извозчика Ионы Потапова, потерявшего сына (рассказ «Тоска»). Какие прекрасные в своей непосредственности, искренности реплики слышал я из зала на концертах!

Причина, мне думается, в том, что, как пишет Горький, «в рассказе Чехова нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он ничего не выдумывает, не описывает того, чего нет».

В 1938 году я начал работать над одним из самых совершенных произведений А. П. Чехова — рассказом «Дама с собачкой». Глубокое содержание рассказа не даст возможности сказать: «Ну, кажется, все, что я мог сделать — сделано, все найдено». Нет! И в этом для меня одна из притягательных сторон творчества Пушкина и Чехова.

Впервые я прочел на публике «Даму с собачкой» весной 1939 года в связи с приближающейся 35-летней годовщиной со дня смерти Чехова. И тогда же понял, что, несмотря на длительную работу, в рассказе очень многое не решено, не разобрано до конца.

Мне сравнительно легко было читать лишь первую половину рассказа, где речь идет о встрече героев и завязке их случайного курортного романа. Тут в глазах моих слушателей я видел полное понимание, даже узнавание того, что происходит с героями рассказа. Я чувствовал, как многие вспоминали аналогичные случаи из собственной жизни, как смущенно улыбались, удивляясь тому, как верно подсмотрел Чехов их состояние, поведение...

Но читая третью главу, — этот переход от описания обычной случайной встречи и начавшегося вслед за ней шаблонного романа к высокому строю повествования о чистой, прекрасной любви, я в первое время испытывал колоссальное течение мыслей и ассоциаций слушателей, вводил их все глубже в психологический мир героев. И помню, порой меня охватывал страх от ощущения, что может не хватить сил повернуть внимание слушателей в новое русло.

С каждым годом для меня становился яснее тончайший смысл рассказа, рождались все новые средства для более или менее верного и яркого его воплощения.

В продолжение почти сорокалетней работы над этим рассказом я не перестаю удивляться искусству, с которым он написан, восхищаться его красотой, глубиной его смысла, поэтической насыщенностью. И таков Чехов во всем своем зрелом творчестве.